

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ГОСПОДСТВО АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И БУНТ АУТЕНТИЧНОСТИ

Дмитрий Владиславович Иванов
(dvi1967@gmail.com)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Иванов Д.В. (2023) Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(3): 7–35. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1>.
EDN: YLSMCN

Аннотация. Представлен критический анализ дискурса цифровизации, который является выражением менеджерально-бюрократической апроприации практик виртуализации социальных процессов. Проанализированы данные опросов в Москве и Санкт-Петербурге, указывающие на превращение практик использования цифровых технологий в социальную рутину в российских мегаполисах. Показана тенденция в социологическом сообществе трактовать связанные с цифровизацией новые формы неравенства, контроля и отчуждения в терминах марксизма и неомарксизма. Для полного раскрытия противоречий и подлинной направленности цифровизации предлагается развитие критической теории общества, которое продолжает диалектическую линию в эволюции неомарксизма Франкфуртской школы. Тотальность структур господства и новых форм социального контроля в постиндустриальном обществе анализируется на основе концепции алгоритмической рациональности, сменяющей технологическую рациональность позднеиндустриальной эпохи. В качестве потенциала эмансипации, ухода из-под контроля алгоритмической рациональности представлены тенденции поствиртуализации и микродвижения в повседневности, образующие бунт аутентичности против тотальной цифровизации / принудительной виртуализации социальной жизни.

Ключевые слова: цифровизация, социальная рутина, критическая теория, цифровой разрыв, алгоритмическая рациональность, поствиртуализация.

Введение:

аффирмативный дискурс и рутинность цифровизации

Цифровизация стала в последние годы одной из популярнейших тем в отечественной социологии. При всем разнообразии используемых в исследованиях парадигм и методов в академических текстах легко обнаруживается доминирование общего подхода к цифровизации. Этот подход задан технократическим мышлением и представляет социальные изменения как эффекты технологических инноваций и управленческих решений, как формы адаптации к ним. Выборка социологических публикаций, взятых из ведущих научных журналов за последние три года (2020–2022) наглядно подтверждает факт общей зависимости исследователей цифровизации от ее технократического видения. В макросоциологической перспективе новое состояние общества редуцируется к развитию цифровой инфраструктуры стран и регионов (Смирнов 2021; Грошев, Краснослободский 2020; Добринская 2021), а эффективность функционирования социальных институтов практически во всех сферах общества от экономики и политики до культуры и образования оценивается по уровню внедрения цифровых сервисов и степени достижения показателей правительственных программ технологического развития (Эфендиев, Гоголева, Балабанова 2020; Левашов, Гребняк 2020; Ларина 2020; Минина 2020; Мерсиянова, Иванова, Брюхно 2022). В микросоциологической перспективе исследование практик во всех сферах жизненного мира от работы до заботы о здоровье сводится к анализу освоения цифровых устройств и сервисов и к оценке уровня компетенций и степени эмоциональной вовлеченности при использовании цифровых технологий (Давыдов 2021; Давыдова, Солянова, Соренсен 2021; Глухова 2021).

В большинстве случаев российские социологи своими исследованиями цифровизации не столько развивают инновационную отрасль социологии, сколько формируют зависимый дискурс, следующий в русле менеджериального дискурса цифровизации, возникшего еще в 1990-х годах (Tarpcott 1995). Менеджеральный дискурс подхвачен российскими социологами в последние годы вслед за спичрайтерами высших госчиновников, и поэтому бюрократические манифесты вроде программы «Цифровая экономика Российской Федерации» служат базовыми референтами для исследователей наряду с западными академическими источниками (Selwyn 2019). Технократический, менеджерально-бюрократический дискурс демонстрирует не критический оптимизм в отношении цифровизации. Альтернативой такому подходу становятся немногочисленные попытки российских социологов критически дистанцироваться от сугубо оптимистического подхода к цифровизации.

Ряд исследователей обращает внимание на неоднозначность результатов цифровизации: форсированное и вынужденное внедрение цифровых технологий не ведет к расширению свободы, повышению качества жизни и эффективному функционированию социальных институтов, но провоцирует рост неравенства, сегментацию и сегрегацию, подчиняет частную сферу государственному контролю (Григорьева 2022). Эту тенденцию критики двойственности цифровизации продолжает концепция ее фундаментальной «амбивалентности», выражающейся в сочетании тенденций организации и дезорганизации, что является следствием навязывания «рационально-формальной» модели цифровизации, ведущего к хаотизации и дегуманизации (Кравченко 2022). Симптоматично, что в критическом дискурсе двойственности или амбивалентности цифровизации либо прямо используются отсылки к идеям Маркса и Адорно (Григорьева 2022), либо неомарксистская схема диалектики формальной рациональности, превращающейся в собственную противоположность, используется без ссылок и без рефлексии источников и логики этой схемы (Кравченко 2022).

Критики цифровизации стихийно обращаются к той терминологии и логике анализа социальных процессов, которую в прошлом веке предложили неомарксисты Франкфуртской школы. Однако в этом обращении к критической теории нет последовательности, и для российских исследователей характерно рассмотрение цифровизации как объективного и фундаментально позитивного процесса, в котором ими противопоставляются друг другу негативно оцениваемая глобалистская цифровизация и принимаемая за истинно прогрессивную цифровизация по некоей «национально-культурной модели», обеспечивающая развитие общества и поддержание культурной идентичности (Кравченко 2022; Бальчиндоржиева, Золхоева 2022). Такой подход замыкает критику негативных аспектов и эффектов цифровизации в заданных менеджерально-бюрократическим дискурсом рамках. Критика цифровизации тем самым превращается в не-критический, зависимый и аффирмативный дискурс, утверждающий объективность и истинность процесса в общем и предлагающий лишь иерархию оценок разновидностей или моделей процесса.

Для полного раскрытия противоречий и подлинной направленности цифровизации необходима по-настоящему критическая теория, отправным пунктом которой должна быть критическая деконструкция аффирмативного дискурса политиков, управленцев и разработчиков цифровых сервисов, объективирующих цифровизацию и представляющих ее как инновационный процесс. Такой дискурс цифровизации сейчас является очевидно запоздалым. Данные регулярно проводимых массовых опросов и статистических обследований свидетельствуют о рутинном характере

использования цифровых технологий большинством населения. Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к интернету, по данным Росстата и исследователей из НИУ ВШЭ, превышает 76 % (Информационное общество... 2020), доля взрослого населения, ежедневно пользующегося интернетом, по данным еженедельных опросов ВЦИОМ на протяжении 2022 г. колебалась в диапазоне 71–77 % (ВЦИОМ 2023). Процессы, представляемые в дискурсе цифровизации как новые и трансформационные, уже с конца прошлого века изучаются социологами под другими названиями: информатизация, компьютеризация, виртуализация (Castells 1996; Bühl 1997; Иванов 2000). Таким образом, актуальной задачей для социологов является изучение цифровизации не как инновационного и трансформационного процесса, а как социальной рутины, как обыденности практик, укорененных в уже сформированных социальных структурах и нормативных порядках.

Вскрытие запоздалости дискурса цифровизации открывает перспективу деконструкции его как выражения господства и отчуждения, характерных для продвинутого постиндустриального капитализма. Идеологи и агенты цифровизации легитимируют свои претензии на доминирование «инновационностью», но в действительности они не создают новые социальные практики, а следуют за уже возникшими. Они лишь внедряют те инструменты, которые приносят экономические и политические выгоды за счет того, что масштабируют уже существующие практики и переводят их на подконтрольные государству и крупным корпорациям цифровые платформы. Дискурс цифровизации отражает не социальные инновации, а менеджерально-бюрократическую апроприацию (от англ. appropriation — присвоение) рутинных практик виртуализации социальных процессов.

Критика цифровизации и ее эффектов находится в тени многоголосого и явно доминирующего аффирмативного дискурса, но научная и общественно-политическая актуальность этой критики нарастает. Критика цифровизации может принимать разные формы и вестись в рамках разных парадигм. В данной статье предлагается концепция разработки критической теории цифровизации, опирающаяся на анализ эмпирических данных о превращении использования цифровых технологий в социальную рутину и на диалектическое развитие неомарксистской критики инструментальной и технологической рациональности.

Использование цифровых технологий в мегаполисах: рутина, неравенство, отчуждение

Эмпирические данные отчетливо указывают на моральное устаревание дискурса цифровизации, поскольку использование цифровых технологий

становится социальной рутиной, особенно в крупных городах. Если по данным ВЦИОМ три четверти взрослого населения страны — ежедневные пользователи интернета, то в российских мегаполисах Москве и Санкт-Петербурге их доля существенно больше и выходит на уровень 90–95 % (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов в Москве и Санкт-Петербурге на вопрос о частоте использования интернета, %

	Москва		Санкт-Петербург	
	2020	2022	2020	2022
Пользуются ежедневно	87,2	92,7	83,7	94,8
Практически / совсем не пользуются	7,1	3,2	9,7	1,7

Данные об использовании цифровых технологий жителями российских мегаполисов были получены в ходе двух исследований, проведенных в Москве и Санкт-Петербурге в 2020 и 2022 годах. Методом сбора данных был телефонный опрос. Опрос проводился по квотным выборкам. Квотирование осуществлено по полу и возрасту. Объем выборки составил 356 (в опросе 2020 г.) и 600 (2022) человек в Москве, 420 (2020) и 600 (2022) в Санкт-Петербурге. Ошибка для каждой выборки не превышает 5 % с вероятностью 95 %.

В ряду других в качестве наиважнейшего показателя процессов цифровизации уже традиционно берется распространенность и интенсивность практик использования интернета. Интернет-коммуникации пользователей представляют собой активные и в большинстве случаев отрефлексированные практики. Существуют также и фоновые, менее отрефлексированные практики использования цифровых технологий: использование мобильных приложений, оплата товаров и услуг банковскими картами, использование банкоматов, платежных терминалов, турникетов в транспорте и общественных пространствах, считывание QR-кодов и т.д. Такого рода практики также приводят к генерации цифровых данных, циркулирующих через компьютерные сети. Однако именно интенциональное обращение к интернет-сайтам и мобильным приложениям чаще всего ассоциируется с процессами цифровизации, находится в фокусе внимания как пользователей в их повседневной жизни, так и ученых в их исследованиях социальных эффектов распространения цифровых технологий.

Данные проведенных исследований показывают, что использование цифровых технологий стало социальной рутиной в крупнейших городах, где абсолютно доминирует большинство, оценивающее свое использова-

ние интернета как ежедневное. Доля этого большинства за два года принудительной виртуализации социальной жизни в условиях антиковидных ограничений выросла примерно на 5 процентных пунктов и в начале 2022 г. превышала 90 %. О рутинности цифровизации свидетельствуют ответы о регулярном использовании цифровых технологий в практиках работы, потребления, общения. О регулярном использовании компьютера или мобильного телефона для обсуждения и решения рабочих вопросов заявили больше половины - респондентов: 56,5 % в Москве и 52 % в Санкт-Петербурге. Регулярное использование цифровых устройств для совершения банковских операций характерно для примерно двух третей респондентов: 67 % в Москве и 61 % в Санкт-Петербурге. На совершение ими покупок в прошедшем году на цифровых платформах — маркетплейсах также заявили примерно две трети (самую популярную из этих платформ Ozon упомянули 67 % в Москве и 63 % в Санкт-Петербурге). Регулярное общение с друзьями и близкими через социальные сети отметили около половины респондентов (44,7 % в Москве и 48,5 % в Санкт-Петербурге), а через мессенджеры — больше трех четвертей (соответственно 81,3 и 77,2 %).

Данные исследования показывают также, что превращение использования цифровых технологий в социальную рутину для подавляющего большинства, захватывает и большинство представителей низкодоходных групп населения (табл. 2). А это означает, что нужно пересмотреть представления о той форме неравенства, которую принято называть «цифровым разрывом» (digital divide).

Таблица 2

**Доля ежедневно использующих интернет
в различных потребительских стратах, %**

	Москва (2022 г.)	Санкт-Петербург (2022 г.)
Денег не хватает даже на самое необходимое — еду, одежду, коммунальные платежи	75,9	84,3
На самое необходимое денег хватает, но на покупку бытовой техники, мебели, на развлечения и путешествия денег нет	89,0	96,6
Денег на жизнь в общем хватает, но на покупку автомобиля денег нет	96,8	97,9
Денег хватает на всё, кроме покупки квартиры / дома	98,7	95,0
Деньги есть практически на любые крупные покупки	94,1	85,0

Исследования новых форм неравенства являются выражением критической тенденции в изучении цифровизации, однако дискурс «цифрового разрыва» также оказывается запаздывающим, поскольку движется в общем русле с менеджериально-бюрократическим дискурсом. Первоначально цифровой разрыв сводился к разделению на имеющих и не имеющих доступ к компьютерам и подключение к компьютерным сетям. Но с превращением мобильных устройств в относительно недорогие предметы потребления, а доступа к широкополосному интернету в недорогую услугу возникла концепция цифрового разрыва второго рода — разделения на умеющих и неумеющих пользоваться имеющимися возможностями интернет-коммуникаций (Hargittai 2021; Van Dijk 2020; Ragnedda 2017; Мартыненко, Добринская 2021). Цифровой разрыв первого рода, как и ожидали в конце прошлого века кибероптимисты — энтузиасты социального прогресса на базе развития цифровых технологий, сейчас заметно уменьшился и разрывом уже не выглядит, что и показывают полученные в наших исследованиях данные о частоте использования интернета в разных потребительских стратах. Но и цифровой разрыв второго рода, увязываемый в мейнстриме с уровнем знаний и навыками использования цифровых технологий, не просматривается в данных о частоте использования интернета менее образованными и более образованными.

Дискурс о цифровом разрыве первого рода выглядит ритуальным, если даже среди нуждающихся и малообеспеченных (категории в двух верхних строках в табл. 2) суточная аудитория интернета составляет от 76 до 96 %. То есть постоянный доступ в интернет не является проблематичным и является повседневной практикой и одной из базовых потребностей в представлениях абсолютного большинства тех жителей российских мегаполисов, которые испытывают острую нехватку денег. Более того, цифровой разрыв первого рода перестает быть работающей моделью, когда связь между уровнем включенности в интернет-коммуникации и уровнем потребления утрачивает свой линейный характер в верхних потребительских стратах (группах в высокой степени обеспеченных и полностью обеспеченных).

Регулярно наблюдаемый эффект относительного снижения уровня включенности в интернет-коммуникации в верхних потребительских стратах можно объяснить тем, что за два десятилетия интернет эволюционировал, превратившись из сферы виртуальной свободы или виртуального эскапизма для меньшинства (технически продвинутых маргиналов, техногиков) в сферу новой социализации и инструмент нового социального контроля для абсолютного большинства посредством фактически нормативного принуждения к виртуализации большей части социальных

интеракций и к цифровизации средств и среды этих интеракций. Не пользоваться интернетом ежедневно, избегать принудительной виртуализации / цифровизации становится новой привилегией для индивидов, обладающих высоким статусом и материальными возможностями, чтобы делегировать интернет-коммуникации другим, находящимся в подчиненном положении. Когда виртуализация социальных структур, внедрение в жизнь цифровых технологий из доступной немногим экзотики превращается во всеобщую рутину, более престижным становится переход в состояние поствиртуализации, где всё цифровое, виртуальное уже менее ценно, чем аналоговое, реальное. Стремление к идентичности, отличающей от усредненного массового пользователя — объекта принудительной виртуализации / цифровизации, может быть тем фактором, который вызывает изменение паттерна цифрового разрыва в высокодоходных стратах.

Дискурс о цифровом разрыве второго рода, являющийся сейчас мейнстримом в изучении цифрового неравенства, также становится ритуальным. Если в начале XXI в. проблема нового неравенства и была в различии уровня знаний и навыков, то сейчас, как показали и проведенные нами опросы в российских мегаполисах, исчезают существенные различия в частоте использования интернета между менее образованными и более образованными. В Москве о ежедневном использовании интернета в опросе 2022 г. заявили 87,3 % респондентов, отнесших себя к группам с неполным средним, средним, средним специальным и средним техническим образованием, а в группах с высшим и неоконченным высшим образованием — 93,7 % респондентов. В Санкт-Петербурге ежедневными пользователями интернета представили себя 88,3 % среднеобразованных и 96,7 % высокообразованных респондентов.

Цифровой разрыв второго рода можно рассматривать как влияющие на доступность интернет-практик различия не в формальном уровне образования, а в уровне навыков использования цифровых технологий, полученных в период социализации. Дефицит таких навыков был характерен в предшествующее десятилетие для большинства представителей возрастной группы старше 60 лет. Однако интенсивная вторичная социализация старшего поколения путем принудительной цифровизации происходила в период ограничений, оправдываемых борьбой с распространением COVID-19. И эффектом этого процесса стало нивелирование поколенческих различий в интенсивности использования интернета. Так в Москве по данным проведенных опросов доля ежедневных пользователей интернета в возрастной группе 60+ в начале 2020 г. составляла 61,2 % и выросла к началу 2022 г. до 81,9 %. В Санкт-Петербурге в этой же возрастной категории доля заявляющих о ежедневном использовании

интернета выросла за два года с 55,3 до 89,3 %. В возрастных группах 18–39 лет и 40–59 лет за тот же период существенного роста не произошло, так как для него уже практически нет потенциала. Среди молодежи и людей среднего возраста в российских мегаполисах суточная аудитория интернета в 2020 г. достигала уровня 90–95 %, а к 2022 г. подросла до 95–99 %. Таким образом, обусловленный различиями в поколенческом опыте разрыв в частоте использования интернета становится несущественным.

Абсолютное большинство во всех экономических стратах, образовательных и возрастных группах вовлечено в использование цифровых технологий, и «цифровой разрыв» как дифференциация на имеющее преимущества от использования цифровых технологий меньшинство и получающее меньше ресурсов и возможностей большинство теперь принимает другую форму.

По мере распространения практик использования цифровых технологий «цифровой разрыв» претерпел эволюцию, последовательно принимая три формы:

- (1) разрыв между имеющими доступ и не имеющими доступа к цифровым технологиям;
- (2) разрыв между умеющими пользоваться и не умеющими пользоваться цифровыми технологиями;
- (3) разрыв между создателями цифрового контента и пассивными его потребителями.

Когда доступ к цифровым технологиям — это обыденность для абсолютного большинства, а не привилегия для состоятельных, а использование этих технологий — это рутина для большинства, а не уникальная компетенция технических специалистов, тогда цифровое неравенство перестает быть эксклюзивией — разделением на включенных и исключенных. Теперь неравенство становится инклюзивным: дифференциация внутри большинства включенных возникает потому, что преимущества от доступа и использования получают те, кто оказывается активнее и креативнее в рутинных практиках. Исследования, включая данное, показывают, что пока только меньшинство ориентировано на активное создание сетевого контента и на извлечение из этого выгод и преимуществ. Имеющим преимущества, извлекающим выгоды из включенности в интернет-коммуникации меньшинством становятся не те, у кого выше экономический и образовательный статус, а более активные и креативные пользователи социальных сетей — интернет-платформ Web 2.0, где даже не имеющие навыков в программировании и веб-дизайне пользователи получили возможность создавать и размещать собственный контент. А лишенным

выгод, зависимым и виртуально эксплуатируемым большинством оказываются те пользователи, которые остаются лишь пассивными потребителями контента.

В проведенных в 2022 г. опросах в российских мегаполисах заявили, что пользуются социальными сетями, 80 % (в Москве) и 84 % (в Санкт-Петербурге) тех респондентов, которые вообще используют интернет. Абсолютное большинство жителей мегаполисов — участники коммуникаций в социальных сетях, но это большинство предстает преимущественно потребителями контента, которые часто просматривают новости, читают посты других пользователей, смотрят видео, слушают музыку. Создание контента, то есть размещение собственных постов (ведение блогов, выкладывание текстов, историй, фото, видео, картинок и т. д.) оказывается менее популярной практикой. Лишь меньшинство, составляющее в каждом из мегаполисов менее 15 % интернет-пользователей, считает, что практикует создание контента часто (табл. 3).

Таблица 3

**Дифференциация интернет-пользователей
по активности в социальных сетях, %**

Город	Москва						Санкт-Петербург					
	18–39 лет	40–59 лет	60+ лет	Нуждающиеся	Средне-обеспеченные	Вполне обеспеченные	18–39 лет	40–59 лет	60+ лет	Нуждающиеся	Средне-обеспеченные	Вполне обеспеченные
Пользуются социальными сетями	93,6	73,3	72,4	80,3	82,5	72,7	90,6	81,3	78,7	86,9	84,5	63,2
Часто потребляют контент	73,0	54,8	50,9	50,8	61,3	53,0	67,7	51,5	61,5	63,6	60,1	50,0
Часто создают контент	13,7	9,5	10,8	10,9	10,4	17,6	14,3	11,1	14,2	9,2	13,3	15,0

Данные нашего исследования указывают на существенный разрыв среди включенных в интернет-коммуникации по степени их активности. Этот род цифрового разрыва можно трактовать как новую форму нера-

венства, опираясь на концепцию дифференциации форм капитала, восходящую к идеям П. Бурдьё (Bourdieu 1986). Те активности, которые обеспечивают привлечение внимания к странице пользователя в социальной сети, способствуют наращиванию виртуальной формы символического капитала в виде принятых в сети знаков одобрения (лайков, позитивных комментариев) и наращиванию виртуальной формы социального капитала в виде сети «слабых» связей с друзьями и подписчиками (фолловерами). Создатели собственного контента, аккумулируя виртуальные формы капитала, привлекают внимание не только множества других пользователей. Наиболее успешные среди креативных пользователей социальных сетей привлекают рекламодателей и инвесторов. Таким образом, некоторые из числа активных пользователей получают возможность конвертации своих виртуальных ресурсов в реальный экономический капитал, тогда как пользователи — потребители контента оказываются «виртуальными пролетариями» — поставщиками внимания как наиболее ценного ресурса в постиндустриальном обществе.

Новые формы неравенства, возникающие на сетевых платформах — это проявление новых форм отчуждения. Одна из них — цифровая пролетаризация основной массы пользователей, чье участие в коммуникациях и потраченное на них время служит неоплачиваемым источником получения доходов немногими активными и креативными пользователями, а главное — сверхдоходов собственников и топ-менеджеров платформ. Другая форма отчуждения — экспроприация на цифровых платформах большей части стоимости генерируемого активными пользователями контента. Получая «виртуальный надел» — площадку для своего труда, креативные пользователи подчиняются встроенным алгоритмам и навязанным сервисам, через которые результаты пользовательской активности отчуждаются в пользу «цифровых лендлордов». Интернет-ресурсы Web 2.0, демократизировавшие два десятилетия назад сетевые коммуникации, теперь апроприированы крупными корпорациями и государством, что превратило свободное прежде общение и самовыражение в отчужденные коммуникации — контролируемые, управляемые и даже вынужденные. Отчужденность между различными группами пользователей и между пользователями и цифровыми платформами нарастает по мере превращения цифровизации в социальную рутину и находит свое выражение в отношении к цифровым коммуникациям как к обременительной, навязанной, дискомфортной и нерациональной трате времени.

Симптомы того, что принудительная виртуализация коммуникаций, практикуемая технологическими корпорациями и государственной бюрократией, ведет к отчуждению, можно видеть в полученных нами данных

о практиках обращения к portalу «Госуслуги». Проект сетевой платформы «Госуслуги», где предполагается сконцентрировать интеракции граждан с бюрократическим аппаратом, построен на базовых принципах Web 2.0 — интерактивности и размещении контента самими пользователями. Однако процесс этот жестко ограничен рамками тех сервисов, которые вместе с удобной формой виртуализации привычных действий создают новые формы контроля и управления поведением, которых пользователи стараются избегать. О том, что они пользуются порталом госуслуг, заявили 91,2 % интернет-пользователей в Москве и 87,3 % в Санкт-Петербурге, однако частым это использование назвали меньше трети из них, а о столкновении с трудностями при использовании — почти половина.

Тот же эффект отчужденности от навязываемых цифровых технологий показали ответы на вопросы об использовании так называемого искусственного интеллекта. О случаях навязанного общения с имитирующим человеческую речь цифровым устройством респонденты говорят как о более частых практиках: сталкиваться в телефонном разговоре с роботом в прошедшем году приходилось иногда или часто 79,5 % респондентов в Москве и 78,8 % в Санкт-Петербурге. Когда же выбор, использовать или нет виртуальных собеседников, остается за пользователями, респонденты по собственной воле гораздо реже обращаются к искусственному интеллекту. В прошедшем году часто или хотя бы иногда пользовались услугами голосовых помощников на компьютере и «умными колонками», соответственно 26,3 и 26,5 % респондентов в Москве и 26,1 и 18,7 % в Санкт-Петербурге.

В данных о рутинности и навязываемой тотальности использования цифровых технологий эмпирически обнаруживаются признаки превращения свободной активности, творчества и общения в отчужденное бытие. В таком случае анализ цифровизации можно и нужно вести в русле и в терминах критической теории общества. Отчуждение, неравенство, эксплуатация и новые формы социального контроля должны исследоваться как феномены, образующие диалектическое единство с формами сопротивления и движением к эмансипации. Показанные эффекты актуальной делают именно диалектическую теорию тотальной и рутинной цифровизации. Такой подход более релевантен и эвристичен, чем недиалектическая, частная критика «амбивалентности» цифровизации.

Цифровизация в терминах критической теории: диалектика господства и эмансипации

Востребованность критической теории нашла отражение в череде работ последних полутора десятилетий, в которых ведущие исследователи

от деконструкции идеологизированности менеджериально-бюрократического дискурса цифровизации (van Dijck, Nieborg 2009; Fisher 2010) перешли к попыткам применить марксистскую критику политэкономии и неомарксистскую критику технологической рациональности в анализе роста сетевого капитализма и цифрового отчуждения (Fuchs, Sevignani 2013; Bilić 2018; Delanty, Harris 2021). Наиболее полное свое выражение эта тенденция теоретизирования нашла в работе Р. Хассана «Состояние дигитальности» (Hassan 2020), в которой ставится цель связать доцифровую критическую теорию с новыми условиями существования человека, чья естественная «аналоговая» сущность отчуждается во всепроникающую систему цифровых алгоритмов. Алгоритмы, представляющие собой новую форму инструментализации разума, замещают собой осознанное действие и свободу выбора, и это новое отчуждение — главная проблема эпохи. Отсылающая уже в названии к хрестоматийным трудам Д. Харви и Ж.-Ф. Лиотара (Harvey 1990; Lyotard 1979) работа Хассана модифицирует их диагноз эпохи в постмодернистский марксизм, который из-за отсутствия в нем диалектики предстает скорее консервативной риторикой «аналогового гуманизма», направленной против негативных эффектов «цифрового капитализма».

Диалектика цифровизации, игнорируемая Хассаном, легко обнаруживается в его тексте там, где он критикует «калифорнийскую идеологию» (техно-либертарианизм) как альтернативное мышление, соединившее идеи хиппи и бизнес-идеи в 1960-х годах и полагающее, что человеческая свобода может быть достигнута не через институты современной политики, а через компьютерные сети (Hassan 2020: 10). Если рассматривать это техно-либертарианское движение и его результаты в перспективе, предложенной Хоркхаймером и Адорно в «Диалектике просвещения» (Adorno, Horkheimer 1947) и Маркузе в «Одномерном человеке» (Marcuse 1964), то можно увидеть характерный паттерн: движение к эмансипации превращается в свою противоположность — систему господства, чреватую в свою очередь новым отрицанием в виде следующего освободительного движения. Без этой диалектической перспективы утрачивается критический потенциал ключевой идеи Хассана о роли алгоритмизации как драйвера нового отчуждения.

Стремление к диалектическому подходу в приложении классических идей критической теории Франкфуртской школы к анализу процессов цифровизации прослеживается в работах Д. Берри и К. Фукса (Berry 2014; 2015; Fuchs 2014; 2016). Берри, отталкиваясь от идей Хоркхаймера и Адорно о превращении культуры как сферы человеческого творчества в отчужденное функционирование культур-индустрии, разработал концепцию

диалектики компьютеризации как превращения демократизации цифровых технологий в систему тотального контроля. Человек из актора становится *компактантом* (compactant) — отчужденным субъектом компьютерного капитализма. Перспектива критического анализа нового капитализма и сопротивления ему связывается с тем, что цифровое внутренне противоречиво. В нем есть поверхностные слои символического, абстрактного, на которых сфокусировано основное внимание. Но есть и фундаментальные слои аналогового, материального — кремниевый субстрат, физическая реальность цифровых устройств и их производства, телесная и ментальная реальность разработчиков и пользователей. Чувственная сторона цифрового должна стать основой для постцифровой эстетики как теории и практики выхода за пределы одномерного поверхностного слоя цифрового.

Наиболее последовательный и сильный акцент на диалектическом подходе в развитии критической теории цифровизации демонстрируют работы К. Фукса (Fuchs 2014; 2016), который опирается на весь комплекс идей Франкфуртской школы как важнейшую традицию XX в., которая должна быть обновлена применительно к реалиям XXI в. Цель Фукса — построение критической теории коммуникации, идущую дальше Хабермаса, чья теория коммуникативного действия не учитывает цифровизацию. Опираясь на диалектический анализ базовых категорий марксизма у Маркузе, Фукс рассматривает цифровые медиа как инструменты / технологии господства и в то же время освобождения, а практики цифровой коммуникации как противоречивое единство труда и игры (playbour). Разрешение противоречий современного общества видится в апроприации подконтрольных корпорациям и государству цифровых медиа простым народом (commons) в процессе реальной социальной борьбы.

Несмотря на тщательную реконструкцию схем, разработанных классиками Франкфуртской школы, теория Фукса не является по-настоящему критической. Ей не достает диалектического развития, синхронного трансформациям общества. Репрезентация капитализма XXI в. в таких терминах первой половины XX в., как инструментальный разум (Хоркхаймер) и технологическая рациональность (Маркузе), противоречит исходным принципам критической теории и тому, к чему стремились сами классики Франкфуртской школы — радикально обновить марксизм сообразно новым социально-историческим условиям. Через более чем полвека после выхода «Диалектики просвещения» и «Одномерного человека» вписывать цифровизацию в категории, которые создавались как релевантные индустриальному капитализму, является стратегией создания догматической, а не диалектической теории.

Немногочисленные отечественные попытки разработки критики политической экономии цифрового капитализма и продолжения критической теории на материале цифровизации воспроизводят зарубежные подходы и представляют собой либо заявки на критику «платформенного капитализма» с отсылкой к Марксу, но с явной ориентацией на неoinституционализм (Степанов, Ковальчук 2018), либо заявки на развитие медиатеории в направлении «интегрального критического дигитализма» (Декалов 2018) с отсылками к неомарксизму и постструктурализму. Как и в большинстве претендующих на развитие критической теории цифровизации работах, здесь некритическому оптимизму противопоставлена скорее недиалектическая критика.

В лучших образцах критики цифровизации у Р. Хассана, Д. Берри, К. Фукса можно найти отдельные перспективные идеи для разработки новой критической теории, но в них нет ключевого решения — соединения новой концепции отчуждения, сфокусированной на виртуализации и алгоритмизации, с концепцией исторической динамики капитализма, движимого диалектикой господства и эмансипации. И это соединение должно быть осуществлено на основе фундаментального принципа: специфический способ существования критической теории — это ее перманентное диалектическое развитие, не дающее ей выродиться в ритуальный и аффирмативный дискурс (Немецкая социология 2003: 377–410).

Наиболее полной реализацией принципов критической теории, заложенных в ее проекте в середине 1930-х годов (Horkheimer 1937; Marcuse 1937), предстает последовательность работ Г. Маркузе: «Разум и революция» (1941) — «Эрос и цивилизация» (1955) — «Одномерный человек» (1964). Это три вехи в теоретизировании, нацеленном на негативный анализ тотальности господства и на выведение идеи освобождения из эмпирически фиксируемых тенденций отрицания этой тотальности. Диалектическое развитие понятия свободы у Маркузе образует линию 'Разум — Эрос — Пост-технологическая рациональность', в которой хорошо просматривается гегелевская парадигма 'Тезис — Антитезис — Синтез'. Диалектическое развитие понятия свободы через отрицание прежнего у Маркузе — результат анализа того, как капитализм трансформировался от раннеиндустриальной стихии рыночной конкуренции и политической конфронтации к рационально организованной системе монополий, государственного контроля и массовой культуры и далее к позднеиндустриальной системе комфортабельной несвободы в обществе потребления.

Непреднамеренный результат критического теоретизирования Маркузе — открытие общего паттерна диалектики современности. Развитие общества происходит через отрицание сложившейся системы господства

антисистемными аутсайдерами с их утопиями, антиобщественным образом жизни и подрывными движениями, которые затем превращаются в собственную противоположность, абсорбируются и становятся источником новой нормативности для системы господства, открывающей следующий цикл негативной диалектики. Диалектическая схема, согласно которой освободительные движения сегодня оборачиваются новыми формами социального контроля завтра, работает и через десятилетия после публикации последних работ Маркузе и его кончины в 1979 г. Посттехнологическая рациональность, протест меньшинств и новых левых из идей и практик, бывших «Великим отказом» — радикальным отрицанием одномерного общества в 1960-х годах, превратились к началу 2000-х в новые формы комфортабельной несвободы. Эти формы существуют как гибкие структуры постфордизма, адаптированные под разнообразие потребительского спроса, под стандарты «ответственного потребления» и под «климатическую повестку», а также как жестко навязываемые нормативы репрессивной толерантности, позитивной дискриминации и «новой этики».

В контексте общей диалектики современности тенденции виртуализации общества в конце XX в. предстают отрицанием тотальности господства, уходом из-под контроля институтов позднеиндустриального общества — структур «одномерности». А вот цифровизация в начале XXI в. — это уже абсорбция системой господства антисистемных и контркультурных движений и апроприация созданных ими альтернативных структур.

Виртуализация — это замещение материальных объектов и реальных действий образами и коммуникациями. Социальные отношения принимают форму отношений между образами, а привычные социальные структуры — интеракции и институты вытесняются сетевыми структурами. Контраст между виртуальной реальностью и привычной социальной реальностью был впечатляющим на рубеже XX–XXI вв., когда энтузиасты новых технологий и новой экономики, включая адептов ныне критикуемой Р. Хассаном «калифорнийской идеологии», создавали виртуальные структуры, избегающие контроля реифицированных институтов и локальных порядков интеракций. Сейчас, ближе к середине нового столетия, виртуальная реальность образов и коммуникаций и цифровые платформы виртуализации перестают быть социальной экзотикой и становятся рутинной и обыденностью. Большинство населения погружено в виртуальную реальность образов и коммуникаций и непрерывно вовлечено в использование цифровых технологий, и особенно это характерно для крупнейших городов. Таким образом, последнее по времени проявление «Великого отказа» — «Великий исход» тех, кто практиковал сетевой эскапизм, вир-

туализацию как эмансипацию, теперь превращается в свою противоположность и становится основой для системы тотальной социализации на цифровых платформах. Из ранних практик хакеров, киберпанков, активистов копилефта вырастает система коммодификации, в которой отчуждается не только привычный труд в рабочее время, но и любые повседневные практики общения, потребления, обучения, лечения и т. д. Несвязанные институциональными рамками контрактных отношений, формально свободные от технологических корпораций пользователи сетевых платформ непреднамеренно создают для собственников и топ-менеджеров стоимость гораздо большую, чем создается трудом персонала этих компаний.

С точки зрения критической теории цифровизация — это перевод социальных структур и взаимодействий на сетевые информационно-коммуникационные платформы, функционирующие на основе цифровых технологий. Цифровизация является инструментальной реализацией и техническим оформлением давно идущих процессов виртуализации общества. Цифровые технологии так стремительно развиваются в последние десятилетия лишь потому, что оказались наиболее эффективным средством виртуализации социальных процессов. Таким образом, не цифровизация виртуализирует общество, а виртуализация общества вызывает цифровизацию.

Однако менеджериально-бюрократический дискурс цифровизации, который господствует в публичной сфере и в социальных науках в последние годы, переворачивает соотношение социальных и технологических аспектов трансформации общества, соотношение виртуализации и цифровизации. Цифровые технологии фетишизируются. В перспективе критической теории технократическая фетишизация цифровых платформ и алгоритмов, выдаваемых за «искусственный интеллект», раскрывается как отражение апроприации государством и корпорациями рутинных практик виртуализации социальных процессов и отчуждения человеческой субъективности и субъектности в цифровые платформы. В алгоритмах и интерфейсах этих платформ легко обнаруживается не сверхчеловеческая сила «высоких технологий», а ограниченная рациональность и зауженный горизонт культурного опыта погруженных в социальную рутину конкретных разработчиков и тестировщиков.

Выявить эмпирически паттерны фетишизации алгоритмов и интерфейсов, разрабатываемых и используемых людьми — важная задача для критической теории цифровизации. Однако более фундаментальная задача такой теории — аналитически выявить новую форму рациональности, лежащую в основе современной тотальности господства. Стремле-

ние Р. Хассана, Д. Берри, К. Фукса и других продолжателей традиции Франкфуртской школы определять рациональность «цифровой эпохи» как инструментальную или технологическую ведет к утрате историчности и диалектического характера критической теории, к превращению ее в ритуальный дискурс, догматизирующий классику середины прошлого века.

В современных условиях критическая теория должна продвигаться дальше, исходя из выявленной основателями Франкфуртской школы историчности и диалектики рациональности. Понятие инструментальной рациональности Хоркхаймером и Адорно в «Диалектике просвещения» выработано в широком контексте анализа столкновения традиционной культуры, укорененной в аграрной цивилизации, с просвещением, олицетворяющим наступление индустриального общества. Рациональность, ориентированная на представление любого феномена в качестве инструмента — единичного и относительно простого объекта — орудия для продуктивной деятельности или средства манипулирования другими людьми, не выходит за горизонт опыта крестьян, рабочих, торговцев, интеллектуалов времен раннего капитализма. Альтернатива инструментальной рациональности конструировалась как радикальное отрицание рациональности в форме высвобождения чувственности, естественных влечений, как в «Эросе и цивилизации» у Маркузе, или как гуманизация рациональности через свободные и нацеленные на достижение взаимопонимания дискурсивные практики, как в «Теории коммуникативного действия» у Хабермаса.

Понятие технологической рациональности у Маркузе создано уже в совершенно другом контексте. Анализ позднеиндустриального общества массового производства и потребления приводит к концепции рациональности, ориентированной на представление реальности как сложно организованного порядка вещей, эффективное использование которых возможно только в рамках системы коллективных действий. Технологическая рациональность — концепция, фиксирующая горизонт опыта участников массовых процессов материального и символического производства и потребления в условиях организованного капитализма. Альтернатива — посттехнологическая рациональность, соединяющая чувственность / телесность и разум, выводилась в «Одномерном человеке» Маркузе из практик контркультуры, меньшинств, борющихся за право на автономный образ жизни, молодежных бунтов, антиколониалистских движений середины XX в.

В контексте продвинутого постиндустриального общества критической теории требуется переход от концепции технологической рациональности к новой форме, которую можно определить как алгоритмическую рациональность. Применительно к постиндустриальному обществу *алгоритми-*

ческая рациональность — новая логика господства. Алгоритмическая рациональность — это схема восприятия реальности в виде динамичной и гибридной совокупности объектов, успешное обращение с которыми предстает как выстраивание сети отношений между ними в соответствии с программой, последовательностью решения стандартных задач. Эта форма рациональности отражает и форматирует опыт подавляющего большинства производителей и потребителей, менеджеров и клиентов в условиях сегодняшнего постиндустриального капитализма сетей и потоков.

Экспансия цифровых технологий, оправдываемая высвобождением труда в результате автоматизации производственных процессов, приводит к тому, что алгоритмическая рациональность замещает коммуникативную рациональность, человеческую субъективность и субъектность. Особенно это заметно в буме внедрения так называемого искусственного интеллекта. Сетевые платформы, организуя выдачу данных пользователям в соответствии с моделируемыми по их персональным цифровым следам предпочтениями и решениями, не просто имитируют работу индивидов с информацией. Они ограничивают информационный и коммуникативный горизонт, препятствуют выбору и действиям, отклоняющимся от навязанных разработчиками и администраторами платформ схем. Многообразные дроны, боты, нейросети также редуцируют интеллектуальные усилия и творческий процесс к быстрому подбору простого решения из доступной массы шаблонов, организуемых на социокультурном уровне не выше достигнутого массой программистов и менеджеров. Искусственный интеллект сегодня — это отчужденное бытие заурядного разума. Вопреки технократическому энтузиазму, программируемые автоматизмы не высвобождают ресурсы, а увеличивают их расходование, повышают трудозатраты, тормозят социальное развитие. Карбоновый и кремниевый-редкоземельный следы цифровых индустрий огромны (Patsavellas, Salonitis 2019; Sharma, Dash 2022).

Обращение к средствам искусственного интеллекта без необходимой рефлексии и тем более их фетишизация редко становятся предметом критического анализа (Тавокин 2019). И пока совершенно не разработанной остается важнейшая для критической теории проблема концептуализации сопротивления и альтернативы господству алгоритмической рациональности. В первом приближении альтернативой алгоритмичности можно представить *аритмичность* жизни, не подчиненной ритмам, навязываемым через цифровые платформы и гаджеты. Интуитивное понимание цифровых технологий как средств контроля и частичный уход из-под контроля алгоритмов, поворот от виртуальности к телесности и непосредственности опыта изредка входят в повседневные практики

немногочисленных пользователей (Давыдова, Солянова, Соренсен 2021). Их стихийный «малый отказ» далек и от маркузеанского «Великого отказа» (Marcuse 1964), и от утопии апроприации средств коммуникации через социальную борьбу (Fuchs 2016). Но в полном соответствии с классическим проектом критической теории 1930-х годов (Marcuse 1937) в эмпирически фиксируемых, пусть и маргинальных практиках саботирования, замедления цифровых ритмов, сопротивления их контролирующей силе должна быть найдена реальная основа для новой утопии эмансипации.

Диалектика поствиртуализации: бунт аутентичности против алгоритмической рациональности

Потенциал эмансипации полвека назад виделся в маргинальных сообществах, исключаемых из одномерного общества — контркультуре хиппи, молодежных движениях, разного рода меньшинствах, населении стран «третьего мира» (Marcuse 1964). К началу XXI в. антисистемность и асоциальность альтернативных движений того времени была абсорбирована, апроприирована и превращена в нормативную основу репрессивной многомерности постиндустриального общества с характерными для него формами социального контроля: структурами ответственного потребления, позитивной дискриминации, мультикультурализма и толерантности. Эти новые формы социального контроля выросли из апроприации корпорациями и государственной бюрократией практик антисистемных движений. Новые левые, новые социальные движения (экологистские, правозащитные, студенческие, пацифистские, феминистские и т.п.), неомарксизм, включая Франкфуртскую школу, теперь стали социально и политически старыми. Практики и идеи эмансипаторов старшего поколения консервативны и аффирмативны по отношению к системе репрессивной многомерности и дополняющего ее теперь режима тотальной и принудительной виртуализации / цифровизации социальной жизни. Особенно зримо этот консерватизм и лояльность по отношению к подавлению прав и свобод проявились в активной поддержке именно леволиберальными партиями и общественными деятелями неадекватных санитарных и карантинных мер, выведших принудительную виртуализацию и господство посредством цифровых платформ на ощутимо более высокий уровень.

Перспектива эмансипации теперь в диалектическом отрицании виртуализации и цифровизации, перешедших в режим социальной рутины. Нужно выявлять потенциал сопротивления и освобождения в тенденциях поствиртуализации в суперурбанизированных центрах, где жизнь погружена в плотные сети и интенсивные потоки и потому виртуализация

и цифровизация предстают уже историей и бытом предшествующего поколения. Перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию, а ценностью все больше становится физическое присутствие, тактильность, «аналоговый» опыт в противовес «цифровой» трансформации, аутентичность насыщенной жизни в противовес виртуальности имиджей и медийных репрезентаций. Этот ценностный сдвиг и порождает тенденции поствиртуализации.

В контексте процессов поствиртуализации тотализирующие цифровые платформы являются архаичными. Уход из-под контроля алгоритмической рациональности становится естественным движением тех, кто не хочет ни возвращения к довиртуальной архаике прошлого, ни пребывания в тотально цифровой архаике настоящего. Неотрефлексированный и неполитизированный бунт аутентичности против тотальной виртуальности проявляет себя в повседневных практиках создания дополненных социальных реальностей. Наглядные примеры этого можно найти в крупных городах, где сначала обычные сквоттеры и активисты альтернативных движений, а затем коммерциализирующие их новые практики бизнесмены создают публичные пространства, функция которых — быть точками доступа к реальности в мире, перенасыщенном виртуальностью.

Общей характерной чертой публичных пространств, которые организуются и функционируют как точки доступа к реальности, является соединение вещей и практик, которые традиционно разграничивались институционально и включались в разные порядки интеракций. Устремляясь в новые публичные пространства, организуя в них поток событий, проектов, впечатлений, поддерживая при этом непрерывные коммуникации и беспрестанно обновляя контент в виртуальных социальных сетях, люди соединяют в одном месте и времени труд и отдых, потребление и производство, обучение и развлечение, обращение с реальными и виртуальными объектами. Сетевые и потоковые структуры, соединяющие в точках доступа к реальности «аналоговый» опыт и «цифровую» трансформацию, пересекают традиционные институциональные границы и взламывают привычные порядки интеракций. В результате такого взаимопроникновения разных реальностей насыщенный цифро-физический опыт современных горожан предстает как социальная жизнь в режиме дополненной реальности.

Новые тренды в потреблении, организации труда и досуга, коммуникациях и стиле жизни демонстрируют, что «поворот к реальности» не ослабляет виртуальность, а вводит ее в разумные рамки и ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные

и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования. Таким образом, после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности (Baudrillard 1981), но становится более интенсивной и принимает общую форму, которую можно назвать «дополненной современностью» (augmented modernity).

Дополненная современность локализована в суперурбанизированных центрах. Насыщенная, интенсивная и турбулентная социальность в крупных городах контрастирует с социальной жизнью в малых городах и в сельской местности, которые теряют ресурсы, в первую очередь человеческие, «вымываемые» потоками, идущими в направлении суперурбанизированных анклавов дополненной современности. За пределами мегаполисов упадок характерных для развитого индустриального общества институтов так называемого «социального государства» (welfare state), демонтированных в ходе неолиберальных реформ, и уменьшение числа и разнообразия интеракций, вызванное оттоком наиболее социально активного населения, переводит общественную жизнь в режим «истощенной» современности (exhausted modernity). Диалектика дополненной современности и истощенной современности — это новое структурное противоречие, новое измерение социального неравенства и отправная точка для развития критической теории.

Анализ структурных противоречий позволяет выявить объективно существующий потенциал эмансипации, ухода из-под власти алгоритмической рациональности. Однако главной проблемой критической теории общества в сегодняшнем обществе остается та же, что была и во времена Хоркхаймера и Маркузе: поиск субъекта эмансипации. Движимая разочарованием в революционной субъектности пролетариата и левых партий неомарксистская критическая теория нашла потенциального субъекта революционной трансформации в новых левых и контркультуре. Теперь их революционная субъектность выглядит переоцененной и поглощенной новыми формами социального контроля. Но отсутствие политического субъекта эмансипации не должно повергать в теоретическое отчаяние, оно указывает на бесперспективность поисков драйверов трансформации в сфере политических институтов и движений, которые после виртуализации остаются лишь структурами имиджевого воспроизводства, символической легитимации алгоритмического управления. Критическая теория в XXI веке должна обнаруживать «революционеров» и «партизан» в повседневности, в микрополитике сопротивления социальной рутине.

После исчерпания эмансипационного потенциала «Великого отказа» новых левых в 1960-х и «Великого исхода» киберактивистов в 1990-х годах

социальными партизанами становятся те относительно немногочисленные маргиналы, кто практикуют «малые исходы» в направлении поствиртуализации: молодежь (*digital natives*), сбегаящая в реальность жизни и избегающая цифровой архаики; мигранты из зон истощенной современности в очаги дополненной социальности; беженцы от угнетающей рутины институтов и интеракций в узлы сетей и потоков; саботажники, препятствующие нормальному выполнению алгоритмов, отстающие от заданных ими ритмов или, напротив, опережающие их. Бунт аутентичности против виртуальности отчужденного бытия, против тотальной цифровой социализации, против алгоритмической рациональности возникает из множества микробунтов и микродвижений.

Бунт аутентичности против виртуальности не является позитивной альтернативой. Критическая теория не должна предлагать глобальный проект лучшего общества. Маркузе в «Одномерном человеке» уже показал, что предлагающая любую позитивную альтернативу критическая теория сама быстро поглощается и утилизируется в виде аффирмативного дискурса в системе новых форм контроля, поддерживающих отчужденное бытие. Но имманентная критика и субъектность в абсорбирующей любые противоречия и альтернативы тотальности господства все же возможны. Эта возможность возникает в силу динамичности критической субъективности / субъектности на фоне инертности объективированных структур. Свобода утопична как состояние, но реальна как уход в отрыв, как перманентное усилие и движение, интенсивное и опережающее процесс абсорбции альтернативных практик новыми формами социального контроля. Критическая теория, чтобы не вырождаться в разновидность традиционной и в аффирмативный дискурс, должна быть диалектической. А диалектика — это движение за пределы обыденной реальности, а не просто фиксация «амбивалентности», противоречивости реальности. Реальность сейчас — это социальная рутина цифровизации. Сопrotивление ей — задача критической теории, в которой поддерживается дух диалектики и героического пессимизма Герберта Маркузе, оставившего в наследие новым поколениям теоретиков понимание того, что сегодняшнее движение к эмансипации через годы станет рутиной и формой контроля и надо будет двигаться дальше.

Выражение благодарности

Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РНФ (проект № 21-18-00125). Автор также благодарен ресурсному центру Научного парка СПбГУ «Центр социологических и интернет-исследований» за собранный эмпирический материал (проекты № 106-16435 и № 106-27799).

Литература

Бальчиндоржиева О.Б., Золхоева М.В. (2022) Цифровая культура vs культурная уникальность? (к вопросу о сохранении китайской культурной идентичности). *Социологические исследования*, 3: 90-97.

ВЦИОМ (2023) Пользование интернетом. 2023 [https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/] (дата обращения: 02.02.2023).

Глухова М.Е. (2021) Роль цифровых технологий в преодолении депрессии: кейс студентов Санкт-Петербурга. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(2): 31–55.

Григорьева Е.А. (2022) Цифровые неравенства: причины, формы, последствия. *Социологические исследования*, 2: 161–163.

Грошев И.В., Краснослободский А.А. (2020) Цифровизация и креативность российских регионов. *Социологические исследования*, 5: 66–78.

Давыдов С.Г. (2021) Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID-19. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2: 403–422.

Давыдова А.М., Солянова М.А., Соренсен К. (2021) Дисциплинарные практики цифрового селф-трекинга: между эмансипацией и контролем. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1: 217–240.

Декалов В.В. (2018) Дигитальная критическая теория медиа: основания и объяснительные возможности. *Медиаскоп*, 2. [<http://www.mediascope.ru/2443>].

Добринская Д.Е. (2021) Что такое цифровое общество? *Социология науки и технологии*, 12(2): 112–129.

Иванов Д.В. (2000) *Виртуализация общества*. СПб.: Петербургское востоковедение.

Информационное общество в Российской Федерации 2020: статистический сборник [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ.

Кравченко С.А. (2022) Амбивалентности цифровизации: востребованность ее культурно-национальной модели для устойчивого развития. *Социологические исследования*, 9: 29–37.

Ларина Е.Д. (2020) Предпосылки и социальные последствия цифровизации системы образования в России и Китае. *Вестник СПбГУ. Социология*, 13(1): 102–112.

Левашов В.К., Гребняк О.В. (2020) Цифровая культура российского общества и государства. *Социологические исследования*, 5: 79–89.

Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. (2021) Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1: 171–192.

Мерсиянова И.В., Иванова Н.В., Брюхно А.С. (2022) Изменилась ли цифровая компетентность российских НКО в условиях пандемии. *Социологические исследования*, 9: 38–48.

Минина В.Н. (2020) Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 13(1): 84–101.

Немецкая социология (2003) под ред. Р.П. Шпаковой. СПб.: Наука.

Смирнов А.В. (2021) Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1: 129–153.

Степанов И.М., Ковальчук Ю.А. (2018) Платформенный капитализм как источник формирования сверхприбыли цифровыми рантье. *Вестник МГИМО-Университета*, 4(61): 107–124.

Тавокин Е.П. (2019) Искусственность искусственной социальности. *Социологические исследования*, 6: 115–122.

Эфендиев А.Г., Гоголева А.С., Балабанова Е.С. (2020) О влиянии компьютеризации на социальные аспекты трудовой деятельности специалистов. *Социологические исследования*, 9: 114–121.

Adorno T., Horkheimer M. (1947) *Dialektik der Aufklärung*. Amsterdam: Querido Verlag.

Baudrillard J. (1981) *Simulacres et simulation*. P.: Galilée.

Berry D. (2015) Postdigital Constellation. In: Berry D., Dieter M. (eds.) *Post-digital Aesthetics. Art, Computation and Design*. L.: Palgrave Macmillan.

Berry D. (2014) *Critical Theory and the Digital*. L.: Bloomsbury.

Bilić P. (2018) A Critique of the Political Economy of Algorithms: A Brief History of Google's Technological Rationality. *TripleC*, 16(1): 315–331.

Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: Richardson J.G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press.

Bühl A. (1997) *Die virtuelle Gesellschaft*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

Castells M. (1996) *The Rise of the Network Society*. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell.

Delanty G., Harris N. (2021) Critical theory and the question of technology: The Frankfurt School revisited. *Thesis Eleven*, 166(1): 88–108.

Fisher E. (2010) Contemporary Technology Discourse and the Legitimation of Capitalism. *European Journal of Social Theory*, 13(2): 229–252.

Fuchs C. (2016) *Critical Theory of Communication. New Readings of Lukács, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet*. L.: University of Westminster Press.

Fuchs C. (2014) *Social Media: A Critical Introduction*. L.: Sage.

Fuchs C., Sevignani S. (2013) What is Digital Labour? What is Digital Work? What's their Difference? And why do these Questions Matter for Understanding Social Media? *TripleC*, 11(2): 237–293.

- Hargittai E. (2021) *Handbook of Digital Inequality*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing.
- Harvey D. (1990) *The Condition of Postmodernity*. Oxford: Blackwell.
- Hassan R. (2020) *The Condition of Digitality. A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*. L.: University of Westminster Press.
- Horkheimer M. (1937) Traditionelle und kritische Theorie. *Zeitschrift für Sozialforschung*, 6(2): 245–294.
- Liotard J.-F. (1979) *La Condition postmoderne. Rapport sur le savoir*. P.: Minuit.
- Marcuse H. (1964) *One-Dimensional Man*. Boston: Beacon.
- Marcuse H. (1937) Philosophie und kritische Theorie. *Zeitschrift für Sozialforschung*, 6(3): 625–647.
- Patsavellas J., Salonitis K. (2019) The Carbon Footprint of Manufacturing Digitalization: critical literature review and future research agenda. *Procedia CIRP*, 81: 1354–1359.
- Ragnedda M. (2017) *The Third Digital Divide: a Weberian Approach to Digital Inequalities*. N.Y.: Routledge.
- Selwyn N. (2019) *What is Digital Sociology?* Cambridge, UK: Polity Press.
- Sharma P., Dash B. (2022) The Digital Carbon Footprint: Threat to an Environmentally Sustainable Future. *International Journal of Computer Science and Information Technology*, 14(3): 19–29.
- Tapscott D. (1995) *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. N.Y.: McGraw-Hill.
- Van Dijk J. (2020) *The Digital Divide*. Cambridge: Polity Press.
- Van Dijck J., Nieborg D. (2009) Wikinomics and Its Discontents: A Critical Analysis of Web 2.0 Business Manifestos. *New media & Society*, 11(4): 855–874.

CRITICAL THEORY OF DIGITALIZATION: ALGORITHMIC RATIONALITY DOMINATION AND AUTHENTICITY REVOLT

Dmitry Ivanov (dvi1967@gmail.com)

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Ivanov D. (2023) Kriticheskaya teoriya tsifrovizatsii: gospodstvo algoritmicheskoy ratsional'nosti i bunt autentichnosti [Critical theory of digitalization: algorithmic rationality domination and authenticity revolt]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(3): 7–35 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1>. EDN: YLSMCN

Abstract. The article is presenting the critical analysis of the digitalization discourse which is reflecting not social innovations but managerial and bureaucratic appropriation of virtualization routine practices. Empirical data collected in Moscow and St. Petersburg show digital technologies usage turning into social routine in the Russian largest cities. The recent tendency among sociologists to consider new forms of inequality, control, and alienation in terms of Marxism and neo-Marxism is demonstrated. For the full revealing contradictions and true direction of digitalization, a development of critical theory of society is proposed in continuation of the dialectical line of the Frankfurt School neo-Marxism evolution. The totality of domination structures and social control new forms in postindustrial society is analyzed on the basis of algorithmic rationality conception introduced by the author. Algorithmic rationality has replaced technological rationality of the late industrial age. Post-virtualization tendencies and micromovements in everyday life are considered to be an authenticity revolt against total digitalization / coercive virtualization of social life. That authenticity revolt is interpreted as an emancipation potential and escape from the algorithmic rationality realm.

Keywords: digitalization; social routine; critical theory; digital divide; algorithmic rationality; post-virtualization.

Acknowledgements

This work is based on research supported by the Russian Science Foundation (the grant no. 21-18-00125). The authors are grateful also to the Research Park of St. Petersburg State University 'Center for Sociological and Internet Research' for the data collected (the projects 106-16435 and 106-27799).

References

- Adorno T., Horkheimer M. (1947) *Dialektik der Aufklärung*. Amsterdam: Querido Verlag.
- Balchindorzheva O.B., Zolkhueva M.V. (2022) Digital Culture vs Cultural Originality (From the Experience of Preserving Chinese Cultural Identity). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 3: 90–97 (in Russian).
- Baudrillard J. (1981) *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée.
- Berry D. (2015) Postdigital Constellation. In: Berry D., Dieter M. (eds.) *Postdigital Aesthetics. Art, Computation and Design*. London: Palgrave Macmillan.
- Berry D. (2014) *Critical Theory and the Digital*. London: Bloomsbury.
- Bilić P. (2018) A Critique of the Political Economy of Algorithms: A Brief History of Google's Technological Rationality. *TripleC*, 16(1): 315–331.
- Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: Richardson J.G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press.
- Bühl A. (1997) *Die virtuelle Gesellschaft*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Castells M. (1996) *The Rise of the Network Society*. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell.
- Davydov S.G. (2021) Digital Competencies of Russians and Work on Self-Isolation During the COVID-19 Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2: 403–422 (in Russian).

Davydova A.M., Solyanova M.A., Sorensen K. (2021) Disciplinary Digital Self-Tracing Practices: Between Emancipation and Control. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1: 217–240 (in Russian).

Dekalov V.V. (2018) Digital Critical Theory of the Media. *Mediascope*, 2. [<http://www.mediascope.ru/2443>] (in Russian).

Delanty G., Harris N. (2021) Critical theory and the question of technology: The Frankfurt School revisited. *Thesis Eleven*, 166(1): 88–108.

Dobrinskaya D. V. (2021) What Is the Digital Society? *Sotsiologia nauki i technologii* [Sociology of Science and Technology], 12(2): 112–129 (in Russian).

Efendiev A. G., Gogoleva A. S., Balabanova E. S. (2020) On the Computerization Impact on Social Job Content of Specialists. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 9: 114–121 (in Russian).

Fisher E. (2010) Contemporary Technology Discourse and the Legitimation of Capitalism. *European Journal of Social Theory*, 13(2): 229–252.

Fuchs C. (2016) *Critical Theory of Communication. New Readings of Lukács, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet*. London: University of Westminster Press.

Fuchs C. (2014) *Social Media: A Critical Introduction*. London: Sage.

Fuchs C., Sevignani S. (2013) What is Digital Labour? What is Digital Work? What's their Difference? And why do these Questions Matter for Understanding Social Media? *TripleC*, 11(2): 237–293.

Glukhova M. (2021) The role of digital technologies in overcoming depression: the case of students from Saint Petersburg. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(2): 31–55 (in Russian).

Grigoryeva E.A. (2022) Digital Inequalities: Causes. Forms, Consequences. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2: 161–163 (in Russian).

Groshev I.V., Krasnoslobodtsev A.A. (2020) Digitalization and Creativity of Russian Regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 5: 66–78 (in Russian).

Hargittai E. (ed.) (2021) *Handbook of Digital Inequality*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing.

Harvey D. (1990) *The Condition of Postmodernity*. Oxford: Blackwell.

Hassan R. (2020) *The Condition of Digitality. A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*. London: University of Westminster Press.

Horkheimer M. (1937) Traditionelle und kritische Theorie. *Zeitschrift für Sozialforschung*, 6 (2): 245–294.

Informatsionnoe obschestvo v Rossiiskoi Federatsii 2020 [Information Society in Russian Federation 2020]. Moscow: National Research University Higher School of Economics (in Russian).

Ivanov D.V. (2000) *Virtualization of Society* [Virtualizatsia obschestva]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).

Kravchenko S.A. (2022) The Ambivalences of Digitalization: The Demand of its National Cultural Model for Sustainable Development. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 9: 29–37 (in Russian).

Larina E.D. (2020) Digitalization of the education system in Russia and China: Causes and social consequences. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 13(1): 102–112 (in Russian).

- Levashov V.K., Grebnyak O.V. (2020) Digital Culture of the Russian Society and the State. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 5: 79–89 (in Russian).
- Lyotard J-F. (1979) *La Condition postmoderne. Rapport sur le savoir*. Paris: Minuit.
- Marcuse H. (1964) *One-Dimensional Man*. Boston: Beacon.
- Marcuse H. (1937) Philosophie und kritische Theorie. *Zeitschrift für Sozialforschung*, 6(3): 625–647.
- Martynenko T.S., Dobrinskaya D.E. (2021) Social Inequality in the Age of Algorithms: From Digital to Algorithmic Divide. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1: 171–192 (in Russian).
- Mersianova I.V., Ivanova N.V., Briukhno A.S. (2022) Did the Digital Competences of Russian NGOs Change under Pandemic Conditions? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 9: 38–48 (in Russian).
- Minina V.N. (2020) Digitalization of higher education and its social outcomes. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 13(1): 84–101 (in Russian).
- Nemetskaya Sotsiologia* [German Sociology] (2003) Ed. by R.P. Schpakova. St. Petersburg: Nauka (in Russian).
- Patsavellas J., Salonitis K. (2019) The Carbon Footprint of Manufacturing Digitalization: critical literature review and future research agenda. *Procedia CIRP*, 81: 1354–1359.
- Ragnedda M. (2017) *The Third Digital Divide: a Weberian Approach to Digital Inequalities*. New York: Routledge.
- Selwyn N. (2019) *What is Digital Sociology?* Cambridge, UK: Polity Press.
- Sharma P., Dash B. (2022) The Digital Carbon Footprint: Threat to an Environmentally Sustainable Future. *International Journal of Computer Science and Information Technology*, 14(3): 19–29.
- Smirnov A.V. (2021) Digital Society: Theoretical Model and Russian Reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 1: 129–153 (in Russian).
- Stepnov I.M., Kovalchuk J.A. (2018) Platform Capitalism as the Source of Digital Rentier's Superprofit. *MGIMO Review of International Relations*, 4(61): 107–124 (in Russian).
- Tapscoff D. (1995) *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York: McGraw-Hill.
- Tavokin E. P. (2019) Artificiality of the «Artificial Sociality». *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 6: 115–122 (in Russian).
- Van Dijk J. (2020) *The Digital Divide*. Cambridge: Polity Press.
- Van Dijk J., Nieborg D. (2009) Wikinomics and Its Discontents: A Critical Analysis of Web 2.0 Business Manifestos. *New Media & Society*, 11(4): 855–874.
- WCIOM (2023) Polzovanie internetom [Internet usage] [https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/] (in Russian).